

рику. Что же, значить, надо разстаться! Да и пора Эдеварту прекратить баловство, остепениться, жениться, как всё его сверстники. Не дѣлать же вѣкъ думать о Ловизе! Но проходят мѣсяцы, и опять получается на имя Эдеварта письмо изъ Нью-Йорка, все тогъ же желтый конвертикъ, изъ крѣпкой бумаги. Эдевартъ исчезаетъ изъ Полена какъ разъ въ то время, когда родные его считаютъ, что онъ окончательно образумился. На этомъ романъ обрывается.

Гамсуновскіе герои живутъ не думая. Мысль въ ихъ существованіи занимаетъ незначительное мѣсто. Это ихъ наиболѣе характерная черта.

Сама по себѣ эта писательская особенность Гамсуна не является, конечно, его достоинствомъ. Но именно благодаря ей онъ играетъ въ современной литературѣ роль какъ бы «очистительную». Да такую образъ его и во всей современной культурѣ, отсюда и обаяніе его. Съ Гамсуномъ все какъ будто возвращается на свое мѣсто, исчезаютъ въ мірѣ домыслы, суетныя выдумки, — и опять остаются въ мірѣ только человѣкъ и природа. Грѣхи и ошибки цивилизаціи не судятся въ романахъ Гамсуна, о нихъ тамъ даже и рѣчи нѣтъ, — что сами собой они бѣ этихъ романахъ отгѣняются. Послѣ десятка современныхъ книгъ, — хотя бы и талантливыхъ, и оригинальныхъ, — прочесть книгу Гамсуна — это приблизительно тоже, что изъ Парижа или Лондона уѣхать въ горы: истина и священная, въ основахъ своихъ, необходимость «всемирной столицности» не уничтожается, но оглядываясь на нее и спокойно, свободно о ней думая, видишь, какъ много недостойнаго мы обычно за нее прилимаемъ. Есть въ провинциальности Гамсуна настоящая мудрость, а въ «Бродягахъ» ее больше и она глубже, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ его книгахъ

Георгій Адамовичъ.

Андрей Бѣлый. Ритмъ какъ діалектика. Москва, 1929.

Поскольку всякая жизнь подчиняется ритму и поскольку діалектика есть законъ жизни, ритмъ есть діалектика. Утверждая это, Бѣлый не говоритъ ничего новаго. Свое положеніе о діалектичности ритма онъ не развиваетъ философски. Центръ тяжести его книги въ другомъ. Авторъ занимается ритмомъ въ поэзии и притомъ постольку, поскольку ритмъ является — въ чемъ авторъ глубоко правъ — ключемъ къ пониманію внутренняго, скрытаго смысла поэгического произведенія. Возьмемъ двѣ одинаковыхъ со стороны размѣра строчки одного и того же стихотворенія: Я помню чудное мгновенье... Какъ минолетное видѣнье. Если читать ихъ, считаясь съ ихъ смысломъ, онѣ будутъ звучать для насъ по разному: въ первой три удара, во второй — два. Въ границахъ каждаго даннаго размѣра число возможныхъ ритмическихъ варіацій ограничено, и въ сколько-нибудь длинномъ стихотвореніи ритмическія повторенія неизбѣжны. Если повтореніе наступаетъ скоро, мы его воспринимаемъ отчетливо. Въ про-

тивномъ случаѣ повтореніе воспринимается не такъ ясно. Эти отгѣнки воспріятія повтореній поддаются числовому выраженію. Можно составить ритмическую кривую сколь угодно длиннаго стихотворенія. Такая кривая позволяетъ индивидуализировать его съ точки зрѣнія ритмики. (Извѣстно, что для изученія музыкальныхъ произведеній этотъ приѣмъ примѣняется уже давно). Вычисленія, необходимыя для составленія подобныхъ кривыхъ, очень сложны. Авторъ, по его словамъ, 17 лѣтъ провелъ надъ этой работой, постепенно уточняя и уточняя свои приѣмы. Повѣримъ ему, что его кривая «Мѣднаго Всадника», составленная на основаніи сложнѣйшихъ вычисленій, таблицы которыхъ онъ даетъ, безукоризненно точна. Вглядываясь въ нее, убѣждаемся, что ея строеніе вполнѣ подтверждаетъ то, что можетъ замѣтить каждый, кто станетъ читать пушкинскую поэму, внимательно вслушиваясь (пусть и молча) въ нее. Ритмически она двоится: тема Петербурга, Петра, Всадника, «державности» — ритмъ монотонный, съ частыми повтореніями и притомъ послушный размѣру; тема Евгенія, Навожденія, бунта, «безумія» — ритмъ необыкновенно разнообразный, «ломающійся», бурный, порывистый. У Бѣлаго великолѣпно показана эта борьба двухъ ритмическихъ тенденцій, соответствующая борьбѣ словесной символики (замѣчательнѣе у него анализъ многосмысленныхъ «ключевыхъ» словъ поэмы). И все же его общее истолкованіе М. Всадника, несмотря на всю тонкость и все богатство наблюдений и сопоставленій (этому посвящена большая часть книги) испорчено его «научнымъ» догматизмомъ. Онъ исходитъ изъ положенія, принимаемого имъ за аксіому, что чѣмъ напряженнѣе, богаче вдохновеніе, тѣмъ напряженнѣе, разнообразнѣе, богаче ритмъ. Затѣмъ справляется со своею кривою и утверждаетъ: вступленіе къ М. Всаднику живо и фальшиво; «люблю тебя, Петра творенье и т. д.» — это для отвода глазъ, для цензуры и т. под. И то же самое онъ утверждаетъ и обо всѣхъ мѣстахъ, гдѣ возвеличенъ Всадникъ. «Петръ» — это только «шифръ», онъ думалъ не о Петрѣ, а о Николаѣ. Связь М. Всадника съ личными переживаніями Пушкина показана Бѣлымъ очень убѣдительно. Въ частности, превосходно выяснено отношеніе темы М. Всадника къ раздумьямъ Пушкина о декабристахъ. (Надо, однако, сказать, что объ этомъ есть очень обстоятельная статья Благого въ «Печать и Революція» за 1926 г., о которой Бѣлый не упоминаетъ). Но это еще не доказываетъ, что больше половины М. Всадника Пушкинъ написалъ, кривя душой. «Кривая» не врѣтъ, доказываетъ Бѣлый, потому что она выведена «научно». Но не врѣтъ и стихи, равныхъ которымъ по силѣ и красотѣ немного найдется въ мировой поэзіи. Языкъ кривой и языкъ Пушкина (Бѣлый даетъ подробную сводку всѣхъ мѣстъ изъ писемъ Пушкина, гдѣ онъ говоритъ о своей нелюбви къ Петербургу). Бѣлый понялъ черезчуръ упрощенно. Можно любить ненавидя, и ненавидѣть любя. Бѣлому (NB диалектику!) это не пришло въ голову. Если-бы Пушкинъ не видѣлъ, не чувствовалъ красоты Петербурга и «Всадника» и, стало быть, и ихъ собственной правды, то не было-бы и трагедіи; Мѣдный Всадникъ былъ

бы аллегорией съ либеральнымъ «направлениемъ» — и не больше. Такое же непониманіе діалектики душевной жизни поэта Бѣлый проявляетъ и въ своемъ анализѣ «Я помню чудное мгновенье». Кривая ритма, обнаруживающая его замираніе къ концу стихотворенія, тѣмъ самымъ удостовѣряетъ, что вдохновеніе измѣнило поэту, когда онъ заговорилъ объ «ангеличности» А. П. Кернъ: «онъ аллегориченъ, пишетъ Бѣлый, рисуя не бывшее въ дѣйствительности пробужденіе души; было — желаніе лишь обладанія. Кривая ритма уличила текстъ: Пушкинъ-правдивецъ сказалъ нѣтъ Пушкину-аллегористу: ...врешь, братъ: не божество, а женщина тебя волнуешь». Жаль, что «Пушкинъ-правдивецъ» обратился къ «Пушкину-аллегористу» въ тонѣ, въ какомъ съ Пушкинымъ бесѣдовалъ И. А. Хлестаковъ: Ну, что, братъ Пушкинъ... Для людей, не находящихся съ Пушкинымъ «на дружеской ногѣ», допустимо и другое объясненіе явленія, отмѣченнаго Бѣлымъ: убываніе напряженности ритма въ послѣднихъ строфахъ — оттого, что смыслъ требуетъ этого: «земная» любовь преобразилась въ «небесную», вождельніе претворилось во вдохновеніе, въ созерцаніе «чистой» Красоты, Идеи. Въ «Я помню чудное мгновенье» поэтъ — не впервые и не въ послѣдній разъ — подходит къ **проблѣмѣ Мадонны**. Ея разработка проходитъ черезъ всю поэзію Пушкина. Бѣлый (и это — послѣ Достоевскаго!) этого не понялъ, не замѣтилъ.

П. Бицилли.

О Достоевскомъ. Сборникъ статей подъ ред. А. Бема. Т. I. Прага, 1929. Стр. 162.

Сборникъ этотъ составился изъ работъ руководимаго А. Бемомъ семинарія по изученію Достоевскаго при Русскомъ Народномъ Университетѣ въ Прагѣ. Статьи, въ немъ помѣщенные, составляютъ только часть докладовъ, обсужденныхъ въ семинаріи, но и въ этомъ своемъ видѣ сборникъ представляетъ выдающийся интересъ для всякаго занимающагося Достоевскимъ. Въ особенности удачна первая статья «Къ проблемѣ двойника», написанная Д. И. Чижевскимъ. Прослѣживая роль идеи двойника въ творчествѣ Достоевскаго, авторъ даетъ тонкій анализъ образовъ Голядкина, Версилова, Ставрогина и Ивана Карамазова. Философскій смыслъ идеи двойничества тѣсно связанъ, по мнѣнію автора, съ проблемой рациональной этики. Отвлеченное добро ведетъ къ «утратѣ своего онтологическаго мѣста» (Голядкинъ), къ «раздвоенію чувствъ и воли» (Версиловъ), къ «холодному равнодушію» Ставрогина и къ «уединенной гордости» Ивана. Особенно удался автору анализъ Ставрогина и Ивана Карамазова. Отвлеченная любовь Ивана къ дальнему, къ «общечеловѣку», безлюбовный характеръ его отношенія къ людямъ, его гордость, «брезгливость» и презрѣніе, въ основѣ которыхъ лѣжитъ «осужденіе» другихъ, — все это проявленія отвлеченнаго добра, воплощеннаго въ